

75 Здесь истинная кровь и подлинная боль,
 Смерть на подмостках сих, увы, не просто роль,
 Она свой правит суд и сыплет пепел в урны.
 Ботфорты здесь в ходу, а вовсе не котурны,
 И Мельпомену⁶ я зову вступить в игру,
 80 Парнасским стал ключом, чтоб разбудить сестру
 Сырых могильников: она в обличье диком,
 Волосья распустив, исходит страшным криком,
 Как лань, чей сосунок пропал среди чащоб.
 Уста кровоточат, тоска ей морщит лоб,
 85 И даже небеса мрачнеют, сдвинув брови,
 Куда б она ни шла, за нею брызги крови,
 И надывается в рыданиях она,
 А в хриплых возгласах такая речь слышна:

 «Французская земля, ты кровь, ты пеплом стала,
 90 О мать, коль матерью тебя назвать пристало,
 Ты собственных детей не сберегла от зла,
 У лона своего убийцам предала!
 Тобой рожденные, утратив разум здравый,
 Из-за твоих сосцов вступают в спор кровавый,
 95 Два кровных отпрыска твоих между собой
 За млеко белое ведут смертельный бой».

 Лик скорбной Франции изобразить мне надо:
 В объятьях матери свирепо бьются чада,
 Сильнейший силится схватить вторую грудь,
 100 А брата-близнеца больней ногой лягнуть,
 Ногтями изодрать, и вот рука пострела